

Владимир Игоревич ногой случайно задел гармошку, что стояла у самой двери. Задел да задел! Никто не обратил бы внимания, но он задел гармошку еще раз, несколько сильнее, видать, с досады. Да так неудачно, что она издала звук, который в темноте легко сошел бы за стон. Вспыхнул свет. В холостяцкой комнате — три молодых человека. Хозяин Савелий — у выключателя. Он с укоризной посмотрел на Владимира Игоревича: «Тихо, гармошка, здесь ни при чем. Это моего товарища, а она ему очень дорога, а после одного случая и мне тоже».

Савелий переставил гармошку в угол. Она вновь пиликнула, совсем жалобно и тоскливо. Все опять невольно обернулись.

— Говорящая что ли? — переходя на шутливый тон, спросил Савелий и поставил пакет (стащили с банкета бутылку «Русской») под маленький столик, что стоял у кровати, попутно убрав с него пепельницу и грязный стакан. При свете стало видно, что все трое выпившие. Самый молодой — Савелий, ему не более двадцати пяти. Самый старший — Игорь Владимирович, бригадир, чуть больше

сорока на вид, и поэтому он держался с обостренным чувством старшинства. Он сразу присел на кровать, как бы подчеркивая неприкосновенность своего лидерства. Третий, немногим старше хозяина комнаты, Илья.

Выпивали они сегодня у себя в автоколонне по большому поводу — День водителя, и многие на официальном собрании были денежно премированы, а что касается бригадира, так ему даже вручили Почетную грамоту, как передовику производства и ответственному работнику. Молодые водители уважали бригадира. После непродолжительного банкета расчувствовавшийся и ставший вдруг шумливым Савелий предложил зайти к нему в гости. Предложение поддержали те, кто проживал рядом с малосемейным общежитием. Комнату Савелий получил совсем недавно, и почему-то вбил себе в голову, что в этом помог ему Игорь Владимирович. Правда это или нет, никто толком не знал, только, когда спрашивали у бригадира, тот загадочно отмалчивался, становясь неожиданно скромным.

— Молодец, Савелий, обживаешься. Обои вот успел наклеить, — вполне искренне похвалил Илья. — Шторы повесил. Скоро женим тебя, и заживешь, брат, правильной жизнью!

— Да пускай еще бобылем походит, молодой ишо! — заметил, улыбаясь, Игорь.

— Не-а, в самый раз.

Уже закусывали бутербродами, уже было сказано несколько теплых тостов, когда разомлевший Игорь Владимирович, глянув в угол, спросил у Савелия: «Сам-то играешь?»

— Кто, я? Не, даже и не пытался!

— Жалко. Я вот всю жизнь мечтаю научиться играть на каком-нибудь инструменте. Особливо на гитаре.

— Да, гитара — это здорово, — добавил Илья. — Я в детстве все пытался научиться играть, да так и...

— Савелий, а когда зашли, ты про какой-то случай вспомнил. Что за история? Савелий быстро дожеввал немудреный бутерброд, и сразу начал рассказывать.

— Мы в прошлом году перегоняли технику для автоколонны из Хан...ги, до М...го. В декабре было дело, сами знаете, какие у нас морозы стоят в декабре. Несколько человек напросились поехать с нами. Начальник колонны мужик сердобольный, да и знал он, кажись, всех. Я с Михалычем, ну, Давид Михалыч — вы его все знаете, перегоняем КАВЗ. Новехонький, только-только они пошли тогда с завода. Не автобус — картинка, в салоне еще краской пахнет. И вот едем, я, Давид Михалыч, и четыре пассажира. Вторые сутки в дороге. Зимник пустой, стемнело, за окнами жуть, все черно. В колонне из четырех машин мы почему-то последние. До Хан...ги километров 70 остается. А у нас возьми да ступица передняя развалилась... — Савелий замолчал. Видимо, воспоминания прошлого всерьез нахлынули, утащив его на тот заснеженный мертвый зимник.

— Кругом тайга, за бортом минус сорок два, что делать, не знаем. Михалыч-то поопытнее среди нас. Сразу сказал: «Не дергайтесь! Начальник колонны все одно на большаке увидит, что нас нет, сообразит, что что-то случилось, и на подмогу вернется. Мы горячим запаслись, так что солярки на несколько часов хватит! Выживем! Верно, Савелий?» — это он ко мне обращается. Я после его слов так и обмер. Четыре канистры, что он выдал, с соляркой, мне лень было тащить до «кавзика», вот я их в КамАЗ и засунул, что шел первым в колонне. А что, думаю, все одно идти вместе будем. Вот что значит опыта не хватило! Сижу и думаю, как

сказать о своей оплошности Михалычу. Испугался я в ту минуту, даже вспоминать страшно. Сказал где-то через час. Хорошо помню, как побледнел Михалыч. Обма-терил он меня крепко. Давай все следить за часами. КАВЗ пока молотит — тепло. Что будет дальше, никто не знает. Прошло, поди, часа три. Соляра кончилась в баке. Мотор заглох. Тьма непросветная. Что делать? Замерзать начали! А у нас даже шины или запаски нет, чтобы поджечь, да хоть у костра отогреться. Еще час прошел. За окнами, которые уже инеем покрылись, минус сорок пять, у нас в салоне, ну, наверное, сорок. Тоже минус. Сочи, одним словом. Чуем, труба дело! Тут уж на меня кто-то из гражданских попер. Дескать, если б не мое... ротозейство, то и с ними ничего не произошло бы. Не вытерпел я тогда, глаза полные слез. Сиганул из машины, себя не помню, шмыг, словно вор, в лес. И что? Слезы прямо на щеках мерзнут, а мне жарко. Первые минут... десять. Потом слышу, меня зовут! Нет чтобы, дурень, назад поворотить, я вперед. Понятное дело заблудился, замерзать стал. Здесь вообще, такое отчаяние меня охватило. И не поверите, вдруг слышу — гармошка играет. Издалека так, сквозь туман. Во-о, думаю, мозгами тронулся. На звук гармошки только и вышел. Мне сразу стакан коньяка. Тот же, кто на меня орал больше всех из попутчиков, он же мне потом и наливал свой коньяк. Говорит — дурак, куда побрел-то? Мы ж тебя так, на будущее учили! А дядька тот, что на гармошке пилика... играл, только и знает, что пальцы дыханием вот так: фуф-фуф согревает, и дальше песни поет. Мы, понятное дело, выпившие, перекусившие — взбодрились, подпеваем. С музыкой, оказывается, не так страшно в такую минуту. Одним словом, где-то час так просидели, костер развели, выдюжили. А там и ребята за нами вернулись. Вывезли нас всех. «Кавзик» Михалыч после Нового года перегнал в поселок.

Помолчали. Игорь Владимирович предложил выпить за нелегкий труд водителя в тяжелейших условиях Севера. Выпили. А после Игорь Владимирович поинтересовался:

— А у тебя что делает гармошка? На память забрал, чтоб напоминала о чудесном спасении?

— Да человек тот пальцы тогда обморозил малость и воспаление получил. В больницу попал. Мы ему тогда предлагали выпить с нами, но он одну рюмку выпил и все. Я, говорит, когда играю, не пью. В больницу его положили. Гармошка вот так и осталась у меня. Обещался заехать, забрать, да видно не досуг. Понятное дело, частенько сижу так и думаю. А что было бы с нами, не окажись тогда в рейсе этого мужика с гармошкой?